

УДК 316.4

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-683-692

Внутрироссийская академическая мобильность студенческой молодежи: особенности институциональной регуляции и саморегуляции

Зайцева А.А.

Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
Россия, 19333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
aa.zaytseva23@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении факторов и механизмов, влияющих на развитие внутрироссийской академической мобильности студенческой молодежи, а также саморегуляционных оснований мобильности, их связи с более широкими представлениями молодежи об образовании. В результате выявлено, что формат межвузовской академической мобильности студентов в России находится на стадии становления. Институциональное регулирование данного процесса проявляется в наличии формальных законодательных норм для сетевых обменов и создании в вузах организационных условий, связанных с возможностью построения индивидуальных образовательных траекторий, финансирования перемещений и проживания иногородних студентов, создания гибких образовательных планов. Специфика саморегуляции жизнедеятельности молодежи проявляется в высоких установках на миграцию в другие российские регионы, особенно распространенных среди студентов.

Ключевые слова: студенты, институциональная регуляция, образование, саморегуляция жизнедеятельности

Для цитирования: Зайцева А.А. 2023. Внутрироссийская академическая мобильность студенческой молодежи: особенности институциональной регуляции и саморегуляции. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(4): 683–692. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-683-692

Intra-Russian Academic Mobility of Students: Features of Institutional Regulation and Self-regulation

Anastasiya A. Zaytseva

Institute of Social-Political Studies Federal Research Sociological Center
Russian Academy of Sciences
6 Fotieva Str., build. 1, Moscow 19333, Russian Federation
aa.zaytseva23@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the factors and mechanisms influencing the development of domestic academic mobility of students, as well as the self-regulatory foundations of mobility, their connection with broader ideas of youth about education. As a result, it was revealed that the format of interuniversity academic mobility of students in Russia is at the stage of formation. The institutional regulation of this process is manifested in the presence of formal legislative norms for network exchanges and the creation of organizational conditions in universities related to the possibility of building

individual educational trajectories, financing the movement and residence of nonresident students, and creating flexible educational plans. The specificity of self-regulation of youth's life activity is manifested in high attitudes towards migration to other Russian regions, especially common among students.

Keywords: students, institutional regulation, education, self-regulation of life

For citation: Zaytseva A.A. 2023. Intra-Russian Academic Mobility of Students: Features of Institutional Regulation and Self-regulation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 683–692 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-683-692

Введение

Академическая мобильность студенческой молодежи – явление не новое. Еще в советское время молодые люди переезжали в другие регионы для продолжения образования и, прежде всего, для получения высшего.

До 2009 года российские вузы принимали студентов на основе внутренних экзаменов. Поскольку даты вступительных испытаний часто совпадали, это делало одновременное поступление в разные вузы крайне затруднительным. Большинство абитуриентов предпочитали не рисковать и поступали в региональные вузы – «лучше синица в руке».

После введения системы ЕГЭ как обязательного экзамена при поступлении, миграционные потоки в России стали изменяться. По исследованиям ВШЭ, после 2010 года в Москве и Санкт-Петербурге произошло увеличение числа молодых людей в возрасте 18–19 лет, которые переехали с учебными целями. Причем в результате осуществления реформы поведение выпускников школ в двух столицах не изменилось, а вероятность мобильности молодежи из провинциальных городов выросла вдвое¹.

Другое дело – такая форма академической мобильности, как обучение в других вузах в течение одного или нескольких семестров по программам обмена. Она возникла в связи с утверждением Болонской системы в европейских и российских университетах. Реализация такой мобильности была связана преимущественно с отъездом за рубеж. Постепенно повышалось количество российских студентов, обучающихся за рубежом, – с 2012 по 2016 год оно выросло на 12 % до 56,8 тыс. человек. Это на 32 % больше 2007 года (43 тыс.) и на 127 % — 2000 года (25 тыс.)². Численность российских студентов, обучающихся за рубежом, варьировалась год от года, но при этом не превышала 1–2 % от их общего числа.

В 2022 году на фоне санкций, введенных вследствие проведения СВО, когда развитие системы высшего образования в России пошло по пути отказа от бакалавриата и увеличения продолжительности обучения, возможности для зарубежного учения существенно сократились. Однако актуализируется развитие другой формы академической мобильности – внутрироссийской, проявляющейся в возможности частичного обучения в течение семестра или учебного года в другом российском вузе³. Развитие внутрироссийской мобильности призвано способствовать обмену знаниями, повышению качества вузовского образования, коммуникаций между вузами, развитию внутренних связей.

Насколько разные формы академической мобильности смогут получить развитие, зависит от того, каким образом выстраивается институциональная регуляция этого процесса.

¹ Введение ЕГЭ повысило мобильность выпускников. URL: <https://iq.hse.ru/news/177663806.html> (дата обращения: 30.09.2023).

² Россия: поток студентов в заграничные вузы растет, возвращается лишь малая часть. URL: <https://russian.eurasianet.org/россия-поток-студентов-в-заграничные-вузы-растет-возвращается-лишь-малая-часть> (дата обращения: 30.09.2023).

³ Бакалавриата не будет. Что означает указ Путина о переходе на национальную систему высшего образования. URL: <https://www.kp.ru/daily/27502.5/4762085/> (дата обращения: 30.09.2023).

Но в не меньшей степени зависит это и от саморегуляционных установок самих молодых людей в сфере высшего образования. Институциональная регуляция представляется собой целенаправленную разработку и внедрение различных мер, направленных на поощрение перемещений студентов между российскими вузами, поддержание в них мотивации к таким перемещениям. А саморегуляция выражается в собственных жизненных выборах учащихся по поводу обучения в разных вузах.

Большинство российских научных исследований посвящены изучению международной академической мобильности: как входящей, проявляющейся в обучении иностранных студентов в российских вузах, так и исходящей – обучение студентов российских вузов за рубежом. К основным барьерам исходящей академической мобильности исследователи относят низкий уровень владения иностранным языком, социальную и психологическую неподготовленность к участию в международных программах, низкую степень информированности обучающихся [Алиева, Фомина, 2019], а также недостаток финансов [Ватолкина, Федоткина, 2015].

В работах исследователей анализируются механизмы целенаправленного регулирования, к которым можно отнести меры государственной поддержки исходящей академической мобильности, реализуемые в виде стипендий для обучения за рубежом, а также совместные образовательные программы с вузами стран, являющихся ведущими партнерами России [Ватолкина, Федоткина, 2015], а также организацию академической мобильности в отдельных университетах [Денисова, 2019; Емельянова и др., 2020].

Кроме вышеперечисленных аспектов, изучаются социальные сети как инструмент целенаправленного формирования межкультурной среды для иностранных студентов в России – элементы входящей академической мобильности [Стабровская, 2020]. С точки зрения управления образовательными траекториями отмечается высокая готовность молодежи к смене места жительства с целью получения качественного образования [Емельянова и др., 2020], на что может быть сделан акцент и при формировании стратегии внутрироссийской мобильности посредством целенаправленной поддержки соответствующих установок молодых людей.

Отдельные типы академической мобильности выделяются по географическому признаку (внутрирегиональная, внутригосударственная, международная), по сферам деятельности (образовательная, с целью повышения квалификации, научная, преподавательская), по продолжительности (краткосрочная и долгосрочная) [Рязанцев и др., 2019].

В 2023 году стали более подробно рассматриваться возможности конструирования отечественной системы высшего образования, построенной на принципах фундаментальности, системности, междисциплинарности и творческого индивидуального подхода. И в качестве одного из актуальных направлений исследователи рассматривают развитие академической мобильности студентов через стимулирование студенческих обменов во внутрироссийском образовательном пространстве [Алешковский и др., 2023]. Исследователи утверждают, что такая стратегия актуальна в связи с неудовлетворенностью первичным выбором специальности современными российскими студентами, качеством вузовского образования и уровнем подготовки. Создание более гибких образовательных программ, включающих возможность обучения в другом российском вузе по аналогичной или смежной программе, получение двойного диплома способствуют повышению мотивации к обучению и соответствию запросам современной молодежи.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования в данной статье выступает социальная регуляция академической мобильности, а предметом – особенности институциональной регуляции и саморегуляции внутрироссийской академической мобильности студентов.

В рамках настоящего исследования под внутрироссийской академической мобильностью студенческой молодежи понимается добровольное перемещение студентов между

российскими вузами с целью образовательной или научной деятельности. Методологические основания исследования строятся на идеях П.А. Сорокина, изучавшего социальную мобильность в контексте культурных трансформаций [Sorokin P., 1927]. Сегодня российское общество представляет собой некое пограничное состояние между статичной и динамичной системой. Несмотря на то, что критического рассогласования жизненных миров нет и заданность прошлых параметров международной академической мобильности обладает определенными границами регуляции, существующая ситуация, обусловленная грядущей трансформацией системы высшего образования, создает неопределенность и задает ее динамичность. Кроме того, теоретические основания исследования строятся на идеях Д. Александера о влиянии культурных паттернов на практики мобильности [Alexander, 2006], В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок о саморегуляции жизнедеятельности студентов, включающей аспект терминальных и инструментальных ценностей [Чупров, Зубок, 2022], Лубского А.В. о консервативных и либеральных ментальных программах, проявляющихся у молодежи в том числе в образовательной сфере [Ментальные программы..., 2016]. Актуальной представляется также теория мобильностей Урри Дж [2012], с позиции которой академическая мобильность студентов включает и индивидуальную образовательную стратегию, и обучение в другом вузе с помощью онлайн-перемещения, и классическое географическое передвижение в другой регион.

Результаты исследования и обсуждение

Процессы социальной регуляции представляют собой сложный комплекс взаимодействующих механизмов целенаправленного регулирования и саморегуляции. Если целенаправленное регулирование заключается в деятельности институтов по упорядочению социальных взаимодействий, путем создания условий и стимулов, то саморегуляция – это собственный жизненный выбор индивидов и групп, движимых собственными представлениями о целях жизнедеятельности и средствах их достижения [Зубок, Чупров, 2008]. Институциональная регуляция внутрироссийской академической мобильности проявляется в формальных, неформальных нормах и создании внешних условий для реализации этого процесса. А саморегуляция – в готовности молодых людей к участию в ней, их смысловой мотивации.

Формальные нормы, регламентируемые нормативными актами федерального уровня в России на сегодняшний день, существуют. В Федеральном законе об образовании в Российской Федерации № 273-ФЗ есть несколько пунктов, посвященных академической мобильности обучающихся. Первый пункт связан с организацией сетевых форм реализации образовательных программ, где в части 3 статьи 15 отражена необходимость указания порядка организации «академической мобильности обучающихся (для обучающихся по основным профессиональным образовательным программам), осваивающих образовательную программу, реализуемую с использованием сетевой формы». Второй пункт связан с организацией международной академической мобильности (статья 105), которая содействует развитию сотрудничества российских и иностранных образовательных организаций¹. То есть первый пункт дает возможности формального регулирования сетевых обменов между российскими вузами, включая программы академической мобильности, но без детальной регламентации осуществления подобных образовательных программ.

Поскольку нормативная база для развития внутрироссийской мобильности в рамках сетевых форм обучения создает формальные условия для подобных практик, необходимо понять, есть ли в российских вузах организационные условия для обеспечения обменов студентов.

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 28.09.2023).

Внедрение практик внутрироссийской мобильности тесно связано с понятием индивидуальных траекторий обучения, которые предполагают возможность вариативности дисциплин даже в рамках единой подготовки по специальности. В такой системе и при таком подходе студент, отправляющийся на семестровое обучение в другой вуз в России, не должен обязательно сдавать все дисциплины за семестр в дочернем вузе. При этом понимание значимости индивидуальных траекторий выражается в желании 80 % современных студентов попробовать такой формат обучения [Зайцева, 2022].

Анализируя социальную реальность, можно отметить, что сегодня в российской образовательной системе внутрироссийская академическая мобильность проявляется в практиках участия студентов в конференциях, образовательных школах и в обучении по сетевым программам. В исследовании 2019 года авторами было показано, что 47 % студентов принимали участие в конференциях в других вузах России, 16 % обучались в другом российском вузе в течение не менее одного семестра, 14 % участвовали в совместном проекте российских вузов и 3 % стажировались в другом российском вузе [Емельянова и др., 2020].

На волне трансформаций в системе высшего образования в 2022 году появилась первая программа внутрироссийской мобильности «ДВИЖ», которая организована для студентов пяти вузов: ИТМО, МИФИ, РУДН, РАНХиГС и ВАВТ ¹. Согласно условиям этой программы, в течение семестра студенты обучаются в другом российском университете. В 2022 году на участие в программе было подано 184 заявки, в 2023 году программа продолжается. Финансовые затраты на проезд и проживание компенсируют университеты. Одним из акцентов, на котором делают упор организаторы, является фактор неопределенности, потребность в адаптации путем выстраивания гибкой образовательной траектории и сложных межвузовских коммуникаций. Разрабатываемая и внедряемая программа направлена на развитие таких навыков. Внутрироссийская мобильность рассчитана на бакалавров 2–4 курса, каждый из которых должен выбрать дисциплины из представленных принимающим вузом и согласовать свой индивидуальный план обучения ².

Таким образом, полноценные программы по развитию внутрироссийской академической мобильности, появившиеся в межвузовском взаимодействии, становятся частью механизма целенаправленного регулирования. Для их эффективного функционирования необходимы следующие условия: возможность организации индивидуальной образовательной траектории, способность создать условия для проживания иногородних студентов, гибкие образовательные курсы, предполагающие включение в этот процесс новых студентов, возможности финансирования перемещений студентов из одного региона в другой.

Вторым фактором, влияющим на развитие внутрироссийской академической мобильности, является объективное снижение возможностей для ее международной формы. Этому есть подтверждение. Так, статистический анализ отчетов о самообследовании российских вузов за 2022 год показывает сокращение числа международных договоров и связей российских вузов с зарубежными вузами. При этом глобальных изменений в удельном весе студентов по исходящей и входящей международной академической мобильности не наблюдалось: в некоторых случаях это рост, в некоторых случаях – сокращение [Зайцева, 2023]. Таким образом, российские вузы продолжают работать в рамках международной академической мобильности с теми вузами, с которыми сохранились партнерские связи, и увеличивают число студентов, направляемых в эти вузы по программам мобильности. Однако данное предположение требует дальнейшей верификации.

¹ Семестр другой жизни: чему будут обучаться участники первой программы внутрироссийской академической мобильности ДВИЖ. URL: <https://news.itmo.ru/ru/education/cooperation/news/12770/> (дата обращения: 30.09.2023).

² ДВИЖ. Программа академической мобильности. URL: <https://движ-студент.рф/> (дата обращения: 30.09.2023).

Двумя основными барьерами для развития международной мобильности студенты называют ограниченные финансы и недостаточный уровень знания иностранного языка. Соответственно, первый фактор, связанный с финансированием, во многом может обеспечиваться государственными программами по поддержке внутрироссийской академической мобильности: предоставлением мест иногородним студентам в общежитии принимающего вуза на весь срок обучения по программе, компенсацией проезда и бесплатным обучением в рамках данной программы. Расходы на жизнь в другом российском городе не будут отличаться кардинально внутри России, если это не мегаполисы; культурная адаптация так же будет минимальной или отсутствовать. А вопрос незнания иностранного языка и вовсе снимается с повестки.

Таким образом, в российском образовательном пространстве посредством институционального регулирования создаются предпосылки для развития внутрироссийской академической мобильности, появляются программы по внедрению сетевых обменов. Вместе с тем, возникает вопрос о готовности самих студентов к таким практикам на уровне саморегуляции. Подобная готовность может определяться множеством различных обстоятельств, начиная с отношения к переезду и заканчивая смысловыми установками в отношении образования.

Отношение к мобильности в российском обществе имеет свои национальные особенности. Отмечается, что для российской культуры мобильность не является типичной чертой, гораздо чаще проявляется оседлость, стремление находиться на одном месте, развивать быт, низкая географическая мобильность и повышенная привязанность россиян и русских к малой родине [Миронова, 2014]. Но цель внутрироссийской академической мобильности не состоит в смене местожительства. В ее основе лежит необходимость углубления знаний, навыков, компетенций, которые возможно получить в рамках другого российского университета. При этом многие студенты, готовые к внутрироссийской академической мобильности, основными мотивами называют желание расширить знания и познакомиться с другими вузами России. Однако необходимо учитывать, что такие установки характерны именно для студентов с консервативными взглядами, для которых образование рассматривается как возможность получения интересной профессии. В то же время студенты с либеральными взглядами на образование, которое представляется им основой для получения материальных благ и высокого дохода, отмечают, что не готовы к внутрироссийской мобильности, так как это сложно организовать и могут быть проблемы в своем вузе [Зайцева, 2022].

Рассмотрим, каково отношение разных групп учащихся к миграции как таковой. Для этого сравним три группы – школьников, учащихся лицеев и техникумов и студентов вузов. Согласно результатам кросс-распределений по формам обучения и миграционным установкам молодежи, в случае представленной возможности большая часть респондентов готовы к переезду из мест проживания. Оставаться там, где живут, планируют от 17 % до 23 % опрошенных в зависимости от формы обучения. Специфика проявляется в том, что учащиеся школ и гимназий обладают наиболее неустойчивыми установками относительно миграции – 23 % хотели бы остаться в месте проживания, 20,1 % затруднились ответить. Это связано с младшим возрастом данной группы и зависимостью от места проживания родителей.

Учащиеся лицеев, техникумов, университетов и институтов в большей степени, чем учащиеся школ и гимназий настроены на переезд в другой регион страны (22,9 и 21,7 % против 12,9 %). Наиболее устойчивые миграционные установки характерны для учащихся университетов и институтов – только 14,7 % затруднились ответить. Причем именно эта категория молодежи не готова ехать в более крупный город в своем регионе (только 9,9 % готовы), что свидетельствует о недостаточности возможностей для специалистов с высшим образованием – они уехали бы или в другой регион страны, или за рубеж (табл. 1).

Значимым основанием саморегуляции является понимание сути образования, наде-
 ление его определенным смыслом. В таком случае значимыми представляются связи пе-
 ременных «образование как ценность» и «миграционные установки» (рис. 1).

Таблица 1
 Table 1

Связь форм обучения и миграционных установок молодежи ¹
 Cross-distribution by forms of education and migration attitudes of young people

Если Вы учитесь, то где?	Если Вам представится возможность уехать из места проживания, что вы предпочтете?				
	Останетесь там, где живете	Уедете в более крупный город в своем регионе	Переедете в другой регион страны	Уедете из страны	Затрудняюсь ответить
В школе, в гимназии	23,00 %	18,00 %	12,90 %	25,90 %	20,10 %
В лицее, в техникуме	17,70 %	19,40 %	22,90 %	22,90 %	17,10 %
В университете, институте	21,00 %	9,90 %	21,70 %	32,70 %	14,70 %

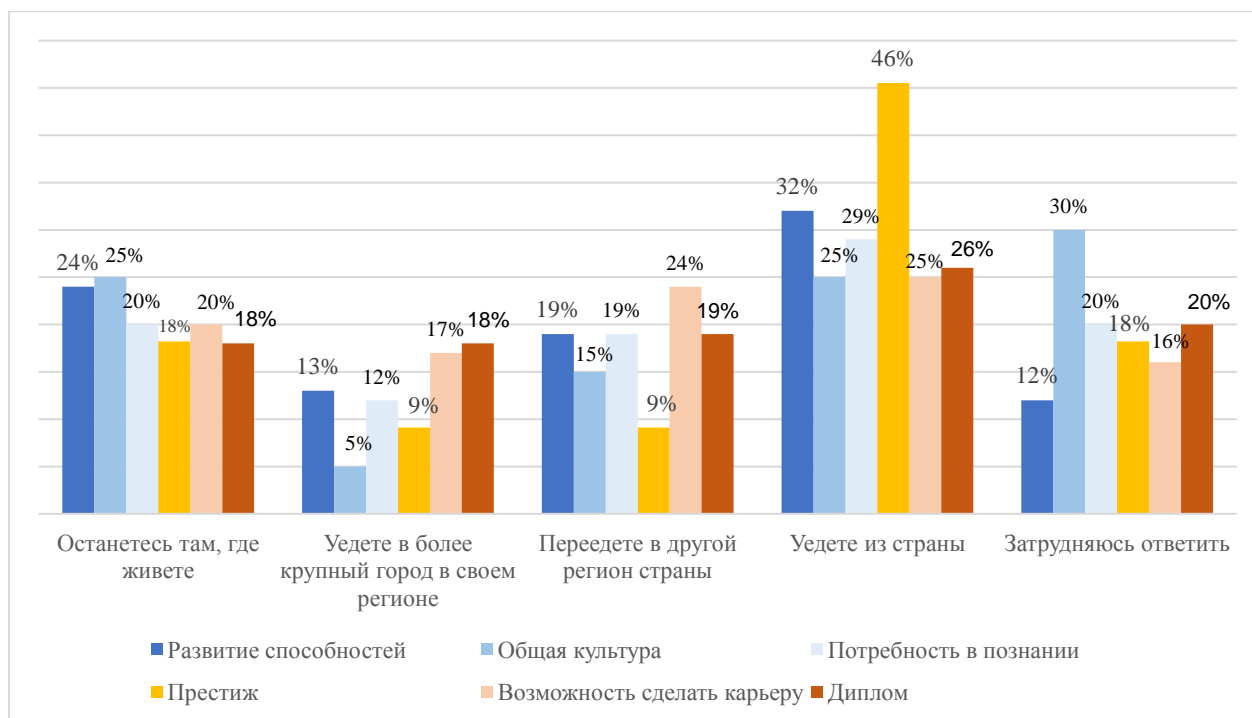

Рис. 1. Кросс-распределения переменных «Образование как ценность»
 и «Миграционные установки»

Fig. 1. Cross-distributions of variables «Education as value» and «Migration attitudes»

¹ Источник: результаты исследования Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН

Под терминальными ценностями образования понимаются развитие способностей, общая культура, потребность в познании, а под инструментальными – престиж, возможность сделать карьеру, получение диплома. Высокая готовность переехать за рубеж характерна для тех, для кого образование представляет собой инструментальную ценность – престиж (46 %), а также терминальную ценность – развитие способностей (32 %). Респонденты, рассматривающие образование как возможность сделать карьеру, в значительной степени настроены на переезд в другой регион страны (24 %) или за рубеж (25 %), нежели оставаться там, где живут (20 %) или уехать в другой крупный город в своем регионе (17 %). Если сравнить установки на переезд в крупный город в своем регионе или в другой регион России, то во втором случае молодежь видит больше возможностей в развитии способностей (13 % против 19 %), усвоении общей культуры (5 % против 15 %), в познании (12 % против 19 %). В целом установки на переезд в другой регион страны выше, чем переезд в более крупный город в своем регионе. Такие распределения вновь подтверждают тезис о том, что молодежь не видит для себя перспективы в рамках отдельных российских регионов.

Таким образом, исследования демонстрируют, что в целом у молодежи достаточно высокие миграционные установки. Заметная часть молодежи готова к перемещениям. Это означает, что молодые люди являются весьма подвижной в социальном и физическом смысле социальной группой. Наиболее привлекательными для молодых респондентов являются другие регионы нашей страны и зарубежье. Причем высокая готовность покинуть регион проживания характерна скорее для студентов вузов, что связано с ограниченными перспективами для развития в своем регионе, в том числе и в сфере образования. В таком случае формат внутрироссийской мобильности, то есть переезд в другой регион страны для получения образования, представляется перспективным.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что формат межвузовской академической мобильности студентов в России находится на стадии становления. Институциональное регулирование данного процесса проявляется в наличии формальных законодательных норм для сетевых обменов и создании в вузах организационных условий, связанных с возможностью построения индивидуальных образовательных траекторий, финансирования перемещений и проживания иногородних студентов, создания гибких образовательных планов. Специфика саморегуляции жизнедеятельности молодежи проявляется в высоких миграционных установках в другие российские регионы, особенно среди учащихся профессиональных лицеев, техникумов и студентов вузов. Именно переезд в другой регион страны для получения образования связывается с возможностью развития способностей, изучения общей культуры, углублением знаний, на что и нацелен формат внутрироссийской академической мобильности.

Для продолжения изучения данного направления необходимо проведение комплексного социологического исследования об особенностях организации программ внутрироссийской академической мобильности между российскими вузами с выявлением установок и потребностей студентов, изучением отношения преподавателей к подобному формату обучения, административных возможностей и финансирования отдельных российских вузов.

Список литературы

- Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. 2023. Особенности формирования образовательных траекторий российских студентов: оценка и возможности. *Высшее образование в России*, (32)4: 137–155. DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-4-137-155.

- Алиева Л.Р., Фомина Е.А. 2019. Организация исходящей академической мобильности в вузе: современная ситуация и направления развития. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*, 5(74): 119–127. DOI: 10.37493/2307-907X-2019-74-5-119-127.
- Ватолкина Н.Ш., Федоткина О.П. 2015. Академическая мобильность студентов в условиях интернационализации образования. *Университетское управление: практика и анализ*, 2: 17–26.
- Денисова Е.С. 2019. Организация международной академической мобильности в Сахалинском государственном университете. *Филологический журнал*, 23: 51–54.
- Емельянова И. Н., Теплякова О. А., Тепляков Д. О. 2020. Мобильность студентов российских вузов как явление и управленческая проблема. *Университетское управление: практика и анализ*, 24(2): 131–144. DOI 10.15826/umpra.2020.02.019.
- Зайцева А.А. 2022. Академическая мобильность студентов: ценности, установки и социальные практики на Юге России. *Научный результат. Социология и управление*, 8(3): 137–154. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-10](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-10).
- Зайцева А.А. 2023. Изменения в международной академической мобильности студентов – возможность для внутрироссийской? Материалы XIII международной социологической Грушинской конференции «Переустройство мира: исследования (в) новой реальности», 25–27 мая 2023 г. М.: ВЦИОМ: 139–144.
- Зубок Ю.А., Чупров В. И. 2008. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2(86): 142–155.
- Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе. 2016. Отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 392 с.
- Миронова С.П. 2014. Социально-профессиональная мобильность: специфика русского менталитета. Социально-профессиональная мобильность в XXI веке: сборник материалов и докладов Международной конференции, Екатеринбург, 29–30 мая 2014 года. Под редакцией Г.М. Романцева, В.А. Копнова. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет: 176–181.
- Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И., Безвербный В.А. 2019. Международная академическая мобильность в России: тенденции, виды, государственное стимулирование. *Экономика региона*, 15(2): 420–435. DOI 10.17059/2019-2-9.
- Стабровская А.В. 2020. Информационные технологии как ресурс социокультурного взаимодействия участников академической мобильности в высшей школе. *Преподаватель XXI век*, 4-1: 67–74. DOI 10.31862/2073-9613-2020-4-67-74.
- Урри Дж. 2012. Мобильности. М., Праксис, 576 с.
- Чупров В.И., Зубок Ю.А., 2022. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография. М., Норма : ИНФРА-М, 304 с.
- Alexander J. 2006. *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Oxford: Oxford University Press.
- Sorokin P. 1959. *Social and Cultural Mobility*. N.Y: The Free Press, 645 p.
- Sorokin P. 1927. *Sociology of Revolution*. Michigan University: Lippincot Press.

References

- Aleshkovsky I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E. 2023. Peculiarities of the Formation of Educational Trajectories of Russian Students: Assessment and Opportunities. *Higher Education in Russia*, 32(4): 137–155 (in Russian). DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-4-137-155
- Alieva L.R., Fomina E.A. 2019. Organization of outgoing academic mobility at the university: modern situation and directions of development. *Newsletter of North-caucasus Federal University*, 5(74): 119–127 (in Russian) DOI: 10.37493/2307-907X-2019-74-5-119-127.
- Vatolkina N.S., Fedotkina O.P. 2015. Students academic mobility in the context of education internationalization. *University Management: Practice and Analysis*, 2: 17–26. (in Russian)
- Denisova E.S. 2019. Organizacija mezhdunarodnoj akademicheskoy mobil'nosti v Sahalinskom gosudarstvennom universitete [Organization of international academic mobility at Sakhalin State University]. *Filologicheskij zhurnal*, 23: 51–54.

- Emelyanova I.N., Teplyakova O.A., Teplyakov D.O. 2020. Mobility of Russian University Students as a Phenomenon and a Management Problem. *University Management: Practice and Analysis*, 24(2): 131–144 (in Russian). DOI 10.15826/umpa.2020.02.019.
- Zaytseva A.A. 2022 Academic mobility of students: values, attitudes and social practices in the South of Russia. *Research Result. Sociology and management*, 8(3): 137–154. (in Russian) DOI 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-10.
- Zaytseva A.A. 2023. Izmeneniya v mezhdunarodnoj akademicheskoy mobil'nosti studentov – vozmozhnost' dlja vnutrirossijskoj? [Changes in international academic mobility of students – an opportunity for Intra-russian?]. Materials of the XIII International Sociological Grushin Conference The Reconstruction of the world: Research (in) a new reality, May 25–27, 2023, Moscow. Publ. VTsIOM: 139–144.
- Zubok Ju. A., Chuprov V. I. 2008. Social'naja reguljacija v uslovijah neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy v issledovanii molodezhi. [Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of youth] *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2(86): 142–155.
- Mental'nye programmy i modeli social'nogo povedeniya v rossijskom obshhestve: monografija 2016. Otv. red. A.V. Lubskaa [Mental programs and models of social behavior in Russian society. Ed. A.V. Lubskaa]. Rostov n/D. Publ. Fond nauki i obrazovaniya, 392 p.
- Mironova S.P. 2014. Social'no-professional'naja mobil'nost': specifika russkogo mentaliteta [Social and occupational mobility: specifics of Russian mentality: Social and professional mobility in the XXI century: collection of materials and reports of the International Conference, Yekaterinburg] Ekaterinburg, Publ. Rossijskij gosudarstvennyj professional'no-pedagogicheskij universitet: 176–181.
- Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Skorobogatova V.I., Bezverbnij V.A. 2019. International Academic Mobility in Russia: Trends, Types, State Stimulation. *Economy of Regions*, 15(2): 420–435. (In Russian). DOI 10.17059/2019-2-9.
- Stabrovskaya A.V. 2020. Information technologies as a resource for sociocultural interaction between participants of academic mobility in higher school. *Prepodavatel XXI vek*, 4-1: 67–74 (in Russian). DOI 10.31862/2073-9613-2020-4-67-74.
- Urri Dzh. 2012. Mobil'nosti. [Mobility] M., Publ. Praxis, 576 p.
- Chuprov V.I., Zubok Ju.A., 2022. Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoreguljacija zhiznedejatel'nosti: monografija [Youth in the cultural space: self-regulation of life activity: monograph]. Moscow, Publ. Norma, INFRA-M, 304 p.
- Alexander J. 2006. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford: Oxford University Press.
- Sorokin P. 1959. Social and Cultural Mobility. N.Y: The Free Press, 645 p.
- Sorokin P. 1927. Sociology of Revolution. Michigan University: Lippincot Press.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.10.2023

Поступила после рецензирования 27.11.2023

Принята к публикации 30.11.2023

Received October 25, 2023

Revised November 27, 2023

Accepted November 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцева Анастасия Андреевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Центр социологии молодежи Института социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский центр Российской академии наук, г. Москва, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-2923-0497](https://orcid.org/0000-0002-2923-0497)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya A. Zaytseva, Candidate of Sociology, Researcher, Center for Youth Sociology of the Institute of Socio-Political Studies, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-2923-0497](https://orcid.org/0000-0002-2923-0497)